

ОГЛАВЛЕНИЕ

**ПЕРВАЯ СТАДИЯ:
МЛАДЕНЧЕСКАЯ ДУША**

11

**ВТОРАЯ СТАДИЯ:
ДЕТСКАЯ ДУША**

45

**ТРЕТЬЯ СТАДИЯ:
ЮНАЯ ДУША**

113

**ЧЕТВЕРТАЯ СТАДИЯ:
ЗРЕЛАЯ ДУША**

273

Тхориа тхори¹

Если бы я подрезала ему крылья,
Он был бы моим
И не улетел бы.
Да, но тогда...
Он уже не был бы птицей,
А я любила птицу.

Баскское стихотворение

¹ «Птица птиц», стихотворение баскского поэта Хосеана Арце, стало очень известным в виде песни, музыку к которой написал Микель Лабоа. — *Здесь и далее примеч. перев., если не указано другое.*

Профессор Ян Стивенсон из Сент-Эндрюсского университета изучил тысячи собранных по всему миру свидетельств детей, уверяющих, будто они помнят свои прежние воплощения. Построенная им «модель Стивенсона» основана на удивительном сходстве изученных свидетельств: дети очень редко, менее чем в 5% случаев, говорят, что были другого пола; воспоминаниями о прежней жизни начинают делиться с двух лет и прекращают, как правило, к десяти годам; от прошлого воплощения, которое чаще всего заканчивается насильственной и ранней смертью, нередко остаются физические, соматические и психические аномалии: ирамы, родимые пятна, фобии или необъяснимые таланты.

— Это все всерьез, не треп? Этот Стивенсон, он в самом деле профессор? У него есть лаборатория? Ему можно верить?

— Что значит — можно ли ему верить?

— Ну, верить его рассказам. Эти свидетельства правдивы или нет?

— А как, по-твоему, можно определить, что правда, а что нет?

— Не знаю... Думаю, если большинство во что-то верит, тогда это скорее правда, чем ложь.

— Ну, если взять всех индуистов и буддистов, прибавить к ним четверть всех европейцев и почти

треть американцев, тогда получится, что большинство людей верит в реинкарнацию. Они убеждены, что тело — всего лишь оболочка, а наша душа продолжает жить.

— И меняет оболочку, когда та изнашивается, да? Это и есть реинкарнация? Душа, как блоха, перескакивает с человека на человека или на собаку, с собаки — на кошку, с кошки — на крысу? Все так просто?

— Нет, не так просто. Это долгое путешествие. Путешествие, о котором у нас, как правило, никаких воспоминаний не остается. Разве что все пойдет не так...

— Как это — не так?

Первая стадия:

МЛАДЕНЧЕСКАЯ ДУША

Мадди, сейчас я тебе объясню, это не так уж сложно. Детские души — это души, которые только начинают свое путешествие. Они открывают для себя жизнь и смерть. На этой стадии их единственная цель — научиться выживать.

I

Исчезновение

Эстебан

1

Я разумная, предельно независимая и насквозь, до печенок, свободная женщина. И довольно богатая.

Надеюсь, именно такой меня видит десятилетний Эстебан. И именно такой я хочу выглядеть в глазах своих пациентов. *Доктор Мадди Либери, врач-терапевт, бульвар Тьера, 29, Сен-Жан-де-Люз.* Надежная, сильная, честная. Незачем кому-то знать про мои слабости, мои сомнения или мой тайный сад, и уж точно про все это незачем знать моему сыну.

С третьего этажа, из окон моей квартиры на улице Эчегарай, открывается один из лучших видов на Большой пляж, по прямой до него сто пятьдесят метров, добежать можно за сорок пять секунд, я засекала.

Так зачем себе в этом отказывать?

Это наш с Эстебаном ритуал — каждое утро, до того, как он уйдет в школу, а я приму первого пациента, и даже до того, как мы вместе позавтракаем, мы облачаемся в то, что валяется рядом с кроватью, — и на пляж. А как только вода весной прогреется до семнадцати

градусов, еще и плаваем. Все улицы в нашем Сен-Жан-де-Люз ведут к океану, как будто город строили так, чтобы волны можно было увидеть с каждого балкона.

Начало девятого. Пляж почти пуст — на длинном полу-месяце, выгнувшемся от мола до мола, я не насчитала и двадцати туристов. Мы устроились рядом с террасой баскского ресторана «Токи Гошоа». Хотя «устроились» — громко сказано. Эстебан кинул на песок красное пляжное полотенце, стащил через голову свитер с эмблемой клуба «Биарриц Олимпик», сбросил с ног зеленые эспадрильи.

— Мам, купаться пойдём?

— Погоди минутку, милый.

Профессиональный рефлекс: цепким взглядом окинуть всё и всех, начиная с Эстебана. С его выпирающими позвонками и тонкими ключицами мой сын похож на креветку. И ноги у него тощие, шорты для плавания цвета индиго, с маленьким белым китом на левой штанине, болтаются. Для своего возраста Эстебан развит нормально, его вес и рост я измеряю каждую субботу, отпустив последнего пациента. Это еще один наш ритуал. Он получает свою еженедельную тарелку кебаба в том случае, если кривая веса, проведенная красным фломастером, остается в границах нормы.

— Мама, ты идешь?

Эстебан нетерпеливо ждал, пока я разденусь. Выходя из дома, я накинула поверх ярко-розового с лиловым бикини только сетчатую тунику. Мне нравится прикосновение легкой сетки, обтягивающей живот и открывающей ноги намного выше колен. Мне нравится в возрасте под сорок все еще чувствовать себя привлекательной, и не только для пенсионеров, выгуливающих своих пудельков на набережной Инфанты.

Я всмотрелась в океан. Вдалеке, ближе к Андаю и пляжу Сокоа, серферы в черных гидрокостюмах лезли на волны, как муравьи. А за спиной у нас ветер с Атлантики трепал воткнутые вдоль мола икуруиньи¹.

— Нет. Сегодня не купаемся, милый. Волны слишком большие.

— Что?

Эстебан посмотрел на волны высотой в несколько метров. Понятно, что в такую погоду купаться нельзя. И все же для порядка стал упрашивать:

— Ну, мама, сегодня же мой день рождения!

— Знаю. И что? Что это меняет? Мы же не хотим утонуть в день, когда ты родился!

Эстебан улыбнулся мне неотразимой улыбкой Маленького принца, перед которой не устояла бы ни одна мама. Жалобный взгляд ясных глаз царапнул по сердцу. Я ласково потрепала его по волосам. Обожаю своего Маленького принца, мечтательного и упрямого, и каждый вечер, когда Эстебан безмятежно засыпает, я, стоя на балконе, благословляю астероид, с которого он упал.

— Завтра искупаемся, милый. Или вечером, если рано освобожусь.

Он сделал вид, что поверил.

— Договорились.

Он прекрасно знает, что на пациентов я времени не жалею. Мы понимаем друг друга, нам незачем расставлять все точки над «i», обойдемся многоточиями... Все остальное мы договорим глазами, мы доверяем друг другу, мы — сообщники. Никакой мужчина никогда между нами не встанет! У меня в постели всегда наготове

¹ Баскские флаги. — *Примеч. авт.*

свободное место для Эстебана, чтобы он мог перебраться ко мне на рассвете. Никогда ни один любовник не разбудит меня утром таким звонким «я тебя люблю».

Порывшись в сумке, я протянула Эстебану монетку в один евро:

— купишь багет?

Это тоже наш ритуал — с тех пор как Эстебан перешел в среднюю школу и перестал быть малышом. После утреннего купания он должен вытереться, надеть свитер и сбегать в булочную за хлебом. Без меня! До булочной бежать ровно одну минуту и тридцать пять секунд. Можно даже успеть, пока я принимаю душ, накрыть стол к завтраку: вишневый джем, йогурт из овечьего молока, выжатый накануне сок. После завтрака мне надо накраситься, а ему — принять душ, чтобы вместе, рука об руку, выйти из дома: я направляюсь на работу, он — в школу.

Эстебан зажал монетку в кулаке.

И куда я так торопилась в то утро?

Мы же не купались, времени было полно.

Почему я только стряхнула с его плеча песчинки, скользнула взглядом сверху вниз, машинально проверив, не увеличивается ли ангиома, — и ушла?

Почему я не обернулась? Почему не убедилась, что он поднял полотенце, надел свитер и побежал к булочной по улице Кордери?

Но ведь для того и придумывают ритуалы? Чтобы себя успокоить? Чтобы убедить себя, что ничего плохого случиться не может? Если всегда идешь одной и той же дорогой, чувствуешь себя в безопасности.

На самом деле мы всего лишь расслабляемся, ленимся, перестаем остерегаться. И бежим от ответственности.

* * *

— Эстебан?

Я высунула голову из-под обжигающего душа. Всю стену ванной занимало обрамленное бирюзовой плиткой зеркало размером два на три метра, я смутно различала в запотевшем стекле свое тело, позолоченное нашими первыми весенними вылазками — прогулка к подножию горы Ларрун, переправа через Нив и твои неуклюжие попытки грести байдарочным веслом на озере Сен-Пе, кататься на доске в Гетари, играть в пелоту в Арканге. У тебя вся жизнь впереди, Эстебан, еще успеешь стать чемпионом.

— Эстебан?

Я нашарила кран и сумела его закрутить, не залив весь пол. Завернулась в полотенце, стоя спиной к зеркалу — потом разберусь со своим несовершенством.

— Эстебан, ты уже дома?

Но мне ответил только голос Патрика Коэна — в половине девятого на «Франс Интер» начинается блок новостей. Первым делом радиоведущий сообщил, что приехавшая на чемпионат мира в ЮАР французская футбольная сборная отказалась выходить из автобуса и проводить открытую тренировку. Это что, главная новость часа, ничего более важного ни на одном из пяти континентов не произошло? И вообще, с какой стати у меня в гостиной оказался Патрик Коэн?

— Эстебан?

Каждое утро, вернувшись из булочной, Эстебан, пока я стояла под душем, менял станцию или вообще выключал радио, чтобы побренчать на гитаре. Иногда он записывал свои сочинения на нотной бумаге. Одаренный мальчик, я была уверена, что у него абсолютный слух, хотя так и не собралась это проверить.

Я вышла из ванной, оставляя мокрые следы на паркете из тополя, хотя такой пол нельзя мыть и вообще мочить, от каждой капли пятно может остаться навсегда. Но мне было не до того. Меня уже схватил за горло неясный страх. Я сделала еще один шаг к открытой двери кухни и застыла на месте.

Мои следы отпечатались на деревянном полу. Я не могла пошевелиться, не могла оторвать взгляд от пустого кухонного стола. От висевшей на стене гитары.

Эстебан не вернулся домой.

Я с трудом сдержалась, чтобы не заорать. Убеждая себя, что сын меня разыгрывает, я поочередно открывала двери обеих наших комнат, стеновых шкафов, туалета, заглядывала под кровати, влезла на табуретку, чтобы проверить антресоли, чуть не упала, слезла, снова открывала дверцы всех шкафов, холодильника, духовки... Я начинала сходить с ума, сердце готово было вот-вот разорваться, это было начало панической атаки.

Куда мог подеваться Эстебан? Сегодня! В день своего...

И тут внезапно промелькнула догадка!

Я бросилась в ванную. Непонятно, как Эстебан успел такое проделать, но он наверняка выждал, пока я вылезу из-под душа, и незаметно спрятался в ванной. Хотя нет, не спрятался, а скорее решил поискать то, что я там спрятала! Затаив дыхание, я присела на корточки, открыла шкафчик под умывальником.

Он на месте...

Подарок ко дню рождения. Лира-гитара, на которую Эстебан давно засматривался в витрине музыкального магазина, — звук электрогитары и очертания античного инструмента. Он и мечтать не смел, что мама ему это...

Я резко оборвала свои рассуждения.

Эстебана в ванной не было!

Эстебан не искал свой подарок. Эстебана не было нигде в квартире. Эстебан не вернулся.

Такого с ним никогда не случилось.

Я взглянула на часы на руке — рука дрожала. С тех пор как мы расстались, прошло уже больше двадцати пяти минут. На то, чтобы добежать до булочной, купить багет и вернуться домой, у него никогда больше трех не уходило...

Сбросив полотенце, я подобрала с пола валявшуюся у кровати футболку, натянула на себя, слетела по лестнице и помчалась по улице Эчегарай, потом по улице Сен-Жак. Почти все лавки были еще закрыты, лишь парами прогуливались старички лет по восемьдесят. Я летела мимо так быстро, что они и головы повернуть не успевали, только мельком замечали мою задницу под майкой на голое тело и наверняка сомневались, наяву ли это видели.

Я распахнула застекленную дверь «Пекарни Ламии», в последний момент придержав ее, чтобы стекло не разлетелось вдребезги.

— Вы не видели моего сына?

Не знаю, был ли там кто-то еще, не удосужилась посмотреть. Булочница уставилась на меня будто на привидение в саване.

— Нет... Нет, сегодня утром не видела, мадам Либери, думаю...

Но я уже выскочила за дверь. До пляжа меньше минуты. Бегом ровно сорок секунд, даже в моем состоянии. Какая-то бабулька подтянула к себе собачку, дедок убрал с моего пути трость. Пока я добежала до ресторана, совсем запыхалась. На просторной деревянной террасе над пляжем завтракали туристы. Я пролетела мимо них — напрямик к красному пятнышку на песке.

Моя цель. Моя надежда.

Я неслась как ненормальная, с каждым шагом взмевая тучи песка, забывая им глотки немногочисленным туристам.

И наконец остановилась.

Полотенце лежало на песке точно так же, как полчаса назад. Эстебан его не подобрал. Свитер с эмблемой клуба валялся рядом. Эстебан его не надел.

Я попыталась охватить взглядом весь пляж, весь океан, от мола до стены форта Сокоа, потом стала выискивать следы у себя под ногами, но ветер уже сто раз перевернул песок.

Никаких следов Эстебана!

Разбушевавшееся море с ревом катило огромные валы, кусая пляж, раз уж не могло поглотить город целиком. Я не хотела верить в страшное, не хотела на них смотреть, мне хотелось повернуться к белым фасадам домов с темно-красными решетками балок, к ящикам с цветами под закрытыми ставнями, к рядам лавок, к богатым туристам, отыскать глазами собаку, с которой мог заиграться Эстебан, мальчика или девочку его лет, какой-нибудь песочный замок, хоть что-нибудь, но мои глаза были прикованы к океану.

Волны вздымались выше трех метров.

В голове у меня звучали мои же слова.

Нет. Сегодня не купаемся, милый. Волны слишком большие.

Я до конца своих дней буду их слышать.

Никогда! Никогда Эстебан не ослушался бы меня.

2

— Ваш сын был в шортах для плавания? Так вы сказали?

Полицейских было двое. Один смотрел на меня немигающими, будто на стекле нарисованными глазами цвета сепии. Какого цвета глаза у второго, записывавшего мои ответы, я не видела, он ни разу не поднял их с тех пор, как я вошла. Но стоило мне открыть рот, как начинал с пулеметной скоростью стучать по клавиатуре.

— Да. Только шорты. Свитер и полотенце остались на пляже.

Лейтенант не мигая смотрел на меня. Его подручный цокал по клавишам.

— Значит, синие шорты? — продолжал лейтенант, не сводя с меня невидящего взгляда.

Я старалась говорить предельно сжато и точно. Я знала, что пожарные прочесывали пляж, что немигающий лейтенант Лазарбаль связался со спасателями и три катера, несмотря на шторм, курсировали вдоль берега.

— Скорее индиго.

— Индиго?

Клавиши внезапно перестали цокать. Похоже, человек за компьютером искал в интернете, что это за цвет такой — индиго. Пустая трата времени. Я уже раз пять, не меньше, говорила про цвет шорт Эстебана разным людям в форме. Я почти заорала:

— Да, индиго! В чем сложность? Синий с фиолетовым оттенком!

Лазарбаль трижды моргнул — должно быть, это означало, что он пришел в состояние крайнего возбуждения, — и вновь уперся в меня взглядом.

— Понятно, мадам Либери. Плавки цвета индиго. Есть еще какая-нибудь деталь, которая могла бы нам помочь?

Я приказала себе сохранять спокойствие. Эстебана искали больше двадцати спасателей. Эти люди старались,

выкладывались по полной, я должна была себя в этом убедить. Сотрудничать с ними. Снова и снова отвечать на вопросы. Повторяться. Надеяться.

— На левой штанине рисунок, маленький кит, белый.

Клавиши снова застучали. Глаза Лазарбаля впервые оживились, веки двигались то быстро, то медленно. Может, это была морзянка и они звали на помощь? Или, напротив, передавали мне какое-то утешительное подсознательное сообщение?

— Не волнуйтесь, мадам Либери. У спасателей есть фотография вашего сына. Они свое дело знают. Давайте попытаемся рассуждать спокойно. Так, значит, вашему сыну десять?

— Да... Сегодня у него день рождения...

Глаза Лазарбаля снова смотрели в одну точку.

— Значит, ровно десять лет.

Мне не понравился тон, которым он протянул свое «ровно». На что он намекает? Его удивило это совпадение? Какая связь между тем, что Эстебан пропал, и тем, что у него сегодня день рождения?

— Десять лет, — повторил лейтенант. — Простите, мадам Либери, но не кажется ли вам, что он маловат для того, чтобы оставлять его одного на пляже?

Я почти зарычала на него. Так громко, что заглушила мелодию, которую выстукивали пальцы полицейского за компьютером.

— Я живу на улице Эчегарай, в сотне метров от пляжа. Все улицы между домом и пляжем пешеходные. Эстебан привык там ходить. Для своего возраста он достаточно взрослый. Спокойный. Ответственный.

Лазарбаль смотрел пустым взглядом. Слушал ли он меня вообще? Собирался ли мне помочь? Или уже готовил обвинение?

— Ваш сын хорошо плавает?

Вот куда он клонит, этот сволочной полицейский! Но я в такие игры не играю. Пусть его помощник наберет большими буквами и жирным шрифтом:

— ЭСТЕБАН НЕ ПОШЕЛ ПЛАВАТЬ. Я ЕМУ ЗАПРЕТИЛА! МОЙ СЫН НЕ УТОНУЛ. ОН... ЕГО ПОХИТИЛИ!

Неживые глаза Лазарбаля мне не возражали. Очко в их пользу.

— То, что мальчик мог утонуть, всего лишь предположение, мадам Либери. На данном этапе мы должны рассматривать все версии. Даже если...

«Даже если что?» — взвыл голос у меня в голове.

— Даже если пляж сегодня утром не был пустым. Мы насчитали более тридцати возможных свидетелей. Плюс туристы, которые завтракали на террасе «Токи Гошоа». Вы только что подтвердили, что ваш сын — умный и послушный мальчик. Он не пошел бы с незнакомцем, не сопротивляясь, а если бы он стал упираться, кто-нибудь это увидел бы или услышал.

«Кто-нибудь это увидел бы или услышал», — тупо повторила я про себя неотразимые аргументы лейтенанта Лазарбаля. Голова у меня была такая же пустая, как его застывший взгляд.

— Мы опросили всех, кто находился на пляже, — гнул свое полицейский. — Никто не видел, что ваш сын сам ушел с пляжа или что кто-то его увел.

— Никто не видел и что он пошел купаться!

Лазарбаль отреагировал: три раза моргнул быстро и два — помедленнее. Покосился на монитор.

— Вы правы. Ближайшие свидетели находились более чем в ста метрах, и у них не было никаких причин наблюдать за вашим сыном. Собственно говоря, никто вообще ничего не вспомнил, даже того, что заметил

мальчика на пляже. Мы полагаемся лишь на ваше свидетельство.

Кретин!

— А его полотенце? Его свитер?

Лазарбаль плавно поднял руку, как делают полицейские на дороге, останавливая слишком прыткого водителя.

— Никто не подвергает ваши слова сомнению, мадам Либери. Напротив. Мы нашли его полотенце и свитер именно там, где вы расстались. Так что все, похоже, указывает на то, что он... — Наконец-то веки Лазарбаля выдали его беспокойство, задержались, он был не в состоянии с ними справиться. — На то, что он не послушался вас. И как только вы повернулись к нему спиной, рванул прямиком к океану.

— **НЕТ!**

Самыми большими буквами, секретарь. Жирным шрифтом и подчеркни, давай, делай!

Я повторила еще громче:

— **НЕТ!** Я уверена, что **НЕТ!** Я знаю Эстебана. Сегодня у него день рождения. Ему не терпелось вернуться домой и получить подарок. Он никогда бы меня не послушался, и уж тем более сегодня. Там точно случилось что-то другое!

Меня бесил неподвижный взгляд Лазарбаля. Глупо, но на мгновение сработал профессиональный рефлекс, я подумала: может, у него туннельное зрение, какой-то дефект, препятствующий периферическому обзору, потому-то он и остался в кабинете, а не отправился искать моего сына вместе со всеми остальными полицейскими.

— Если следовать вашим рассуждениям, мадам Либери, если допустить, что вашего сына могли похитить, он неизбежно должен был знать своего похитителя, раз

доверчиво пошел с ним. Есть ли у вас какие-то предположения? Друг? Родственник? Его... отец?

— У Эстебана нет отца! Я мать-одиночка. И если хотите знать, это не случайность, лейтенант, это мой выбор.

Его глаза — глаза рысака в шорах — меня не осуждали, уже кое-что. А может, ему было все равно. Он нашарил лежащую сбоку стопку бумаги, взгляд при этом не сдвинулся ни на миллиметр. Быть может, у него развито периферическое зрение? Как у всех хищников...

— Тогда кто? — спросил Лазарбаль.

— Не знаю.

Он разложил передо мной фотографии.

— Мы проверим. Будем искать. Мы уже получили десяток фотографий, главным образом от посетителей ресторана. Вы часто оказывались в кадре. Почти все они были сделаны, когда вы вернулись искать сына.

Мой взгляд скользнул по снимкам, по слишком короткой футболке, голым ляжкам. Он тоже, неотрывно глядя мне в глаза, видел своим боковым зрением мою задницу? Ну пусть полюбуется! Пусть кому хочет показывает эти мерзкие снимки, сделанные похабниками-туристами с террасы ресторана, лишь бы только моего сына нашли. Помощник Лазарбаля, не удержавшись, повернулся к нам, но лейтенант проворно убрал фотографии.

— Мы их увеличим, — пообещал он, — и попросим вас внимательно их изучить, вдруг вы кого-нибудь узнаете. У нас есть еще несколько фотографий пляжа, сделанных чуть раньше, но Эстебана нет ни на одной. И на улицах он тоже никому не встретился. Так что при отсутствии других данных основной гипотезой остается...

Жми на клавиши, секретарь, пока не продавишь их.

— **ЭСТЕБАН НЕ УТОНУЛ.** Сколько раз мне вам это повторять? Посмотрите на снимки, увеличьте их, и вы увидите, что Эстебан оставил там полотенце, свитер и эспадрильи. Кстати, а где его эспадрильи? Не пошел же он в них купаться!

Я цеплялась за эту надежду, за что угодно, лишь бы не представлять себе тело моего мальчика, унесенное океаном.

— Мне очень жаль, мадам Либери, должно быть, я выгляжу чудовищем, предполагая худшее, но... Ваш сын мог подойти к воде в эспадрильях и оставить их на песке. А потом их смыли волны. Или, еще проще, кто-то их подобрал...

— А свитер и полотенце этот кто-то не тронул?

— Могло быть и так. Или же эспадрильи занесло песком. Мы поищем.

Секретарь давно перестал печатать, как будто мои аргументы его не интересовали и он уже записал все подсказанные ему Лазарбалем ответы. Однако у меня оставался последний аргумент. Только он и удерживал меня от того, чтобы не выскочить за дверь и не рвануть напрямик к океану, пусть бы и меня тоже унесла волна.

— У него свитер без кармана.

— Простите?..

— И на шортах кармана тоже нет.

Глаза Лазарбаля впервые окончательно пробудились и заметались.

— И что же?

— Я дала Эстебану монетку в один евро, я каждое утро даю ему евро, отправляя за хлебом. Если бы он пошел купаться, ему пришлось бы оставить ее на пляже. Никто не идет купаться с деньгами в кулаке. А я не нашла монетки ни на полотенце, ни на песке, я все на метр вокруг обшарила.

— Мы поищем еще, мадам Либери. Обещаю вам, мы весь песок через сито просеем.

— Я уже искала, лейтенант! И продолжу.

И буду молиться, молиться изо всех сил, чтобы ее не найти.

Если я так ее и не найду, значит, Эстебан не пошел купаться. Значит, он все еще где-то есть, с зажатой в кулаке монеткой.

Найти эту монетку — значит обречь его на гибель, искать ее — значит надеяться...

* * *

Я искала ее все эти годы.

И все эти годы надеялась.

Я так и не нашла их.

Ни монетку.

Ни Эстебана.